Hudz S. O. Nominations of household items of Turkic origin in the Ukrainian language.

The article discusses the origin of the of nominations of household items, borrowed from the Turkic languages in Ukrainian. The article considers the role and functioning of originally Turkish words in Ukrainian proceeding from monuments of the Ukrainian, Slavic, and Turkic literary writings. In particular, the history of occurrence of the words "filizhanka (cup)", "dyvan (sofa)", "kazan (cauldron)", "torba (bag)", "kýlym (carpet)", "bychák (small knife)" in Ukrainian are being traced. Investigating the etymology of such words, in most cases we come to the construction of hypotheses that are more or less subjective. Defining the tasks of Slavic and Turkologists who were engaged in research of Turkism in Ukrainian. Since it's usually hard to get solid documentary materials on the history of Turkic words, it's hard to get scientific documentation, observation, hypothesis. The result is a kind of abstraction, as if one of the possible solutions of some indefinite equation. The science here turns into art. The analysis of foreign language sources and an attempt to restore the original language-source of the nomination. We consider the words that have undergone the smallest changes and remained in the Ukrainian language in active use.

Keywords: *Ukrainian-Turkic language contacts, monuments of Ukrainian writing, source language, recipient language, Turkisms, nominations for household items.*

Л. П. Иванова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ФУНКЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В РАННИХ РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В статье осуществляется полипарадигмальный подход (с позиций лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории коммуникации, литературоведения) к анализу функций этнических стереотипов в ранней прозе А. П. Чехова. В рассмотренных текстах автор писал об испанцах, французах, немцах, поляках, англичанах. Выявлены следующие функции этнических стереотипов: типизация, репрезентация, оценка, создание комического эффекта, речевая характеристика, символизация.

Ключевые слова: *этнический стереотип, этнический маркер, функции этнических стереотипов, А. П. Чехов, ранние рассказы.*

Магистральным направлением развития современной науки стал полипарадигмальный подход – проблема анализируется с позиций разных наук, в результате чего возникает синергетический эффект: различные отрасли знаний усиливают результативность друг друга. Так, этнические стереотипы изучаются в рамках лингвокультурологиии, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации (в теоретическом и прикладном аспектах). Творчество А. П. Чехова вообще и его ранний период – предмет литературоведческих разысканий. Функционирование этнических маркеров у

А. П. Чехова не рассматривалось, отметим, что в ранних рассказах они еще могут приобретать комический эффект, поскольку встречаются преимущественно в речи персонажей, характеризируя их.

Для раскрытия поставленной в заглавии статьи проблемы необходимо рассмотреть три компонента, ее составляющих: комизм, комический эффект, этнический стереотип, специфика “смеха” А. П. Чехова.

Слово *комизм* происходит от греч. *комос*, означающего “ватагу, толпу ряжених” на дионисийских (вакхических) праздниках в Греции.

По наблюдениям Н. Д. Арутюновой, как в давние времена, так и наши современники “смеются над тем, что принимают за глупость, нелепость, абсурд, несовместимость, противоречие, ложь, неразумные проекты, нелогичность, ошибочные суждения и т. п.” [2, с. 13]. В качестве примеров приводятся цитаты из библейских текстов.

То, что смешно для представителей того или иного народа, закрепляется в толковых словарях с пометами “шутливое” или “ироничное”, Н. Б. Мечковская определяет их как особый вид коннотации [7, с. 146–147], причем автором принимается квалификация коннотации Ю. Д. Апресяна: “Коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которое воплощает принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него’’ [1, с. 159].

В результате Н. Б. Мечковская делает несколько неожиданный вывод: “оттенки шутливости и / или иронички в словах представляют собой преимущественно "культурные" (интеллигентские) краски: для народного юмора и сильных эмоций они слишком тонки и камерны” [7, с. 150]. Вне всякого сомнения, юмор А. П. Чехова интеллигентен и культурен.

Тем не менее, об этническом юморе написано мало. Основную причину этого мы видим в распространенной толерантности, уважительном отношении к другим народам. М. Минский рассматривает этнический юмор как большую социобиологическую ошибку: “Почему в таком ходу шутки, в которых высмеиваются представители других национальностей? Распространенное объяснение этого гласит, что шутки подобного рода есть не что иное, как способ проявления агрессивности. Все это, без сомнения, верно, однако можно предположить и более содержательное объяснение <…>, когда рассказывают шутку о человеческой глупости, то с точки зрения психики удобно свести услышанное к некоторому стереотипу – желательно чужому, иностранному, – с тем, чтобы избежать конфликта с окружающим миром” [8, с. 305].

В данной цитате, помимо этнических стереотипов, о которых мы будем говорить более предметно, обращают на себя внимание шутки, трактуемые в последнем абзаце цитируемой статьи следующим образом: “Шутки на самом деле вовсе не являются такой уж смешной вещью, – они отражают

стремление человека к разумности, достижение которой связано с подавлением абсурда" [8, с. 302]. В голову сразу приходит ставшее традиционным определение комизма у А. П. Чехова: смех сквозь слезы.

Следующая категория, заслуживающая пристального внимания, – стереотипы вообще и этнические в частности.

Как утверждает В. А. Маслова, впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман в 1922 г. [6, с. 57]. Ученый утверждал, что стереотипы – это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой "картины мира" в голове человека, они экономят его усилия при восприятии сложных объемов мира. При таком понимании стереотипа выделяются две его возможные черты – детерминированность культурой и средство экономии усилий, соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы "экономят" саму личность. В. А. Маслова дает следующее определение: "стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди "своих" и одновременно опознать "своего"" [5, с. 110].

Стереотипы выполняют следующие когнитивные функции: функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и ряд других мыслительных функций [5, с. 110].

Стереотип может быть оформлен отдельным суждением или несколькими суждениями, а также устойчивым выражением – сравнением, клише [5, с. 109].

Среди стереотипов принято выделять этностереотипы, или этнокультурные стереотипы. В. А. Маслова дает следующее определение: ‘‘Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ" [5, с. 108].

Автор предлагает различать автостереотипы – представления о своем народе и гетеростереотипы – о других. Последние более критичны [6, с. 58].

Специалисты по этнопсихологии заметили, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство.

На этностереотипах часто базируются анекдоты. Так, например, французы любезны, любвеобильны, изысканны; немцы пунктуальны, англичане чопорны. Однако у разных народов разные этностереотипы. В. В. Красных утверждает, что для немцев француз – эталон жадности, а для итальянцев – спеси и снобизма [4, с. 203].

Автор указывает на то, что в этностереотипах "мы часто имеем дело с феноменами, конгруэнтными, но не тождественными", т. е., совпадая в целом

или в основном, феномены могут различаться нюансами, деталями, имеющими подчас принципиальное значение [4, с. 104].

Приводится следующий пример корейского стереотипа: “Жена должна быть умной, а муж – как медведь. Жена должна быть умной, гибкой в общении и хитрой (чем не наша лиса?), а медведь, соответственно, сильным (разве наш медведь лишен этого качества?), вся проблема в том, что русская лиса – это в первую очередь хитрость (далеко не однозначно положительное качество), медведь в первую очередь неуклюж, а потом остальное” [4, с. 203].

Сделав предварительные замечания по поводу этностереотипов, подчеркнем, проблема очень далека от решения. Приводятся разрозненные факты, отдельные наблюдения. Нет даже четкого представления о том, в рамках какого лингвистического направления они должны рассматриваться (так, например, В. А. Маслова практически идентично анализирует их в учебниках и учебных пособиях по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике).

Думается, теория этностереотипа должна базироваться на этнопсихологических, этнопсихолингвистических описаниях народов, поскольку, как показывают наши исследования, оценка характеризует не столько оцениваемое, сколько оценивающего, т. е. важно учитывать особенности сознания и истории народа, сформировавшего тот или иной этностереотип. Необходимо уделить внимание функционированию этностереотипов в разных типах текстов, что даст основания для широких обобщений. Целесообразно привлечение данных лингоимагологии, позволяющих описать образ одного народа или страны в глазах другого народа.

В данной статье **целью** является рассмотрение более частной проблемы – функционирования этнических маркеров и этнических стереотипов в ранних рассказах А. П. Чехова.

Подчеркнем, что данные произведения написаны автором в тот период, когда он еще не успел побывать в других странах, изучить нравы народов, их населяющих, т. е., описывая иностранцев, А. П. Чехов опирался только на этнические стереотипы, а не на собственные наблюдения. С другой стороны, рассматриваемые единицы наблюдаются, как правило, в речи персонажей, но не автора, создавая речевую характеристику.

Материалом для анализа послужили ранние рассказы А. П. Чехова. З. С. Паперный отмечает: “Самый "веселый" период творчества Ч. падает на один из самых тяжелых периодов российской истории. Издатели и редакторы требовали от молодого юмориста-сатирика бойкости, легкости, веселости и краткости. Внешне соблюдая эти условия, Ч. уже в первые годы создал юморески, которые никак не исчерпываются чистым юмором. Через калейдоскопическую пестроту его ранних рассказов все более явственно проступают основные внутренние темы: человек и чин, поэзия и проза, фасад жизни и его оборотная сторона” [10, с. 486]. В. Ермилов указывает на то, что

А. П. Чехов "стал творцом нового вида литературы – маленького рассказа, вбирающего в себя повесть, роман" [3, с. 13]. Таким образом, короткий рассказ поднялся до высот эпического повествования [Там же].

Одна из интереснейших особенностей уже раннего творчества А. П. Чехова – важность детали. Не случайно литературоведы изучали импрессионизм в его творчестве [11].

Исследователи указывают на уверенность писателя в "читательской активности". "С этим связана повышенная роль деталей, на первый взгляд мелких, мало значащих, но глубоко неслучайных, психологически и эмоционально насыщенных подробностей <…>, однако деталь у него оказывается не только намеком – тихим и ненавязчивым – на важное и характерное, но и носителем внутреннего движения рассказа, повести, пьесы" [10, с. 489]. Одной из таких деталей являются этнические маркеры и стереотипы.

В ранних рассказах А. П. Чехов представил испанцев, немцев, поляков, англичан, французов. Для пущей достоверности курсивом после названия рассказа об иноземной жизни стоят указания на язык – источник : "Жены артистов". Перевод… с португальского. Известно, что многоточие свидетельствует о раздумиях, т. е. автор задумался над тем, с какого бы языка сделать перевод. "Грешник из Толедо". Перевод с испанского.

Испанцы. Испания для молодого А. П. Чехова связана прежде всего с инквизицией (рассказ "Грешник из Толедо"). Дело происходит в Барселоне. Героиня рассказа – Мария Спаланцо. *Отец ее был французом, мать испанкой. От отца получила она в наследство галльскую беспечность и ту безграничную веселость, которая так привлекательна во француженках, от матери же – чисто испанское тело. Прекрасная, вечно веселая, умная, посвятившая свою жизнь веселому испанскому ничегонеделанью и искусствам* [12, с. 150–151].

Этнические стереотипы по отношению к французам – галльская беспечность, безграничная веселость; испанцы – веселое ничегонеделанье (интересный окказионализм). В обоих случаях этностереотипы выполняют функцию характеризации образа.

Главный инквизитор – Августин. *Она* (*Мария – Л. И.*) *знала его, как ревностнейшего истребителя ведьм и как автора одной ученой книги. В этой книге он проклинал женщин и ненавидел мужчину за то, что тот родился от женщины* [12, с. 152]. Нагнетание ненависти создает противоположный – комический эффект.

Инквизиция тесно переплетается с суевериями : *Спаланцо получил отпущение толедских грехов… Его простили за то, что он учился лечить людей и занимался наукой, которая впоследствии стала называться химией. Епископ похвалили его и подарил ему книгу собственного сочинения. В этой книге ученый епископ писал, что бесы чаще всего вселяются в женщин с черными волосами, потому что черные волосы имеют цвет бесов* [12,

с. 155]; *Жители Барселоны убили всех черных кошек и собак, но не узнали в этих ненужных жертвах Марии Споланцо* [Там же]. “Ученость” епископа и бессмысленные убийства животных явно высмеиваются.

Анализируя абсурдность инквизиции в союзе с суеверием, автор обращается в устах своих героев к этническому автостереотипу: *Нет ничего легче, как убедить в какой-нибудь небывальщине глупого человека, а испанцы все глупы!*

– Нет народа глупее испанцев! – сказал когда-то Споланцо его умирающий отец-лекарь. Презирай испанцев и не верь в то, во что верят они! [12, с. 152–153].

Итак, испанцы глупы.

Рука противится написанию данной характеристики. Вся история этого замечательного народа, личный опыт общения с его представителями противоречит данной характеристике, но из песни слов не выкинешь. Можно только предполагать, чем руководствовался молодой русский писатель. В примечаниях читаем указание на то, что “Грешник из Толедо” – стилизация новелл на темы из средневековой жизни. Восприятие и проявления инквизиции также становятся высмеиваемым стереотипом.

Этнический стереотип соседствует с символом. В рассказе “Пропащее дело” читаем: *Я нарядился, причесался, надушился и Дон Жуаном покатил к ней* [12, с. 308].

Таким образом, этностереотипы, связанные с Испанией, служат средством характеристики, высмеивания, символизации.

Немцы. Описания немцев встречаются в нескольких произведениях.

Так, в рассказе “Ненужная победа” персонажи старый и молодой Фриц – типичные немецкие имена [9, с. 367]. Е. С. Отин указывает на то, что данные антропонимы широко распространены среди немцев (как у русских Иван) [9, с. 367]. “В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и в первые послевоенные годы – “солдат гитлеровской армии, "немец" (неодобрительно), а также с собирательным значением "солдат гитлеровской армии"” [9, с. 367].

Значит, А. П. Чехов предугадал типичность и распространенность данного антропонима.

В России XIX в. были хорошо знакомы с немецкой литературой. Так, в рассказе “Зеленая коса” (автор сделал подзаголовок “маленький роман”) читаем: *Когда смотрю на нее, я припоминаю сентиментальные немецкие романы с их рыцарями, замками, докторами философии, с таинственными графинями* [12, с. 172]. Перечень довольно сумбурен. Он передает наплывающие воспоминания. Можно утверждать, что в данном случае литературный стереотип выполняет репрезентативную функцию.

Немецкие вкрапления могут создавать комический эффект. Мы уже писали о Фрице, в рассказе “Забыл!!” главный герой носит фамилию Гауптвахтов. С одной стороны, апеллятив, на основании которого она

создана, имеет немецкое происхождение – гауптвахта (Hauptwache). С другой стороны, А. П. Чехов явно создал данный окказионализм с комической целью: Иван Прохорыч Гауптвахтов (отчество представлено в разговорном сокращенном виде) насмехается над немцами и французами :

– Вы немец или француз?

– Немец.

– То-то я по облику замечаю… Хорошо, что не француз… [12, с. 157].

Немцы неоднократно презрительно именуются персонажем "немчурой". Комическая линия продолжается в макаронической речи в устах Гауптвахтова:

– Прощайте-с! Шпрехензи! Гебензи!.. Обедал я, знаете ли, однажды у одного немца… После обеда спрашиваю я у одного господина, тоже немчуры, как сказать по-немецки : "покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль?" А он мне и говорит… и говорит… Позвольте-с!.. И говорит : "Их либе дих фон ганцен герцен". А это что значит?

– Я … я люблю тебя, – перевел немец, стоявший за стойкой, – от всей сердцы! [12, с. 158–159].

Отрицательное отношение к немцам демонстрируют персонажи разных рассказов: *Девица-то она хорошая, благородная, – говорил отец. – Советника дочь, да и красавица. Одна только беда: фамилия у нее немецкая! Подумают люди, что ты на немке женился…* ("Который из трех") [12, с. 337]; *Я не люблю господ немцев. На сто немцев приходится девяносто девять идиотов и один гений. Последнее я узнала от одного принца, немца на французской подкладке* ("Он и она") [12, с. 345]. Источник информации переводит данное абсурдное утверждение в комическую плоскость.

Таким образом, немецкий контекст выполняет функции: репрезентативно-комическую, оценочную, создает речевую характеристику персонажа. Подчеркнем, что в современном обиходе слово "немчура" практически не употребляется, хотя отношение к немцам со времен А. П. Чехова неоднократно менялось.

Французы. О французах высказывался уже упомянутый нами Иван Прохорич Гауптвахтов: *Не люблю французов… Хрю, хрю, хрю.. свинство! Во время войны мышей ели..* [12, с. 157]. По поводу игры на рояле: *Брат мой Назар играет. Того учили… Француз Рокат, может быть, знаете, Венедикт Францич учил… Такой потешный французишка… Мы его Буонапартом дразнили. Сердился… "Я, говорит, не Буонапарт… Я республик Франце.." И рожа у него, по правде сказать, была республиканская… Совсем собачья рожа…* [12, с. 158].

Случайные разрозненные факты, всплывающие в сознании малообразованного персонажа, с одной стороны, в силу своей нелепости, создают комический эффект, с другой стороны, характеризуют Гауптвахтова, т. е. являются средством характеристики и никак не этностереотипом

французов и немцев для русского языкового сознания. Скорее, это антистереотип.

Поляки. В рассказе “Барыня” управляющий – поляк Феликс Адамович Ржавецкий. Его самого и его отношение к русским крестьянам характеризует следующий монолог:

– Говорил ведь я, что никогда не следует церемониться с этим народом! – заговорил Ржавецкий, отчеканивая каждый слог и стараясь не делать ударения на предпоследнем слоге… Скажи ему, – обратился поляк к Максиму, – что он свинья и больше ничего…

– Всем достанется! Не являйся тогда ко мне в контору, старый собака! С вами церемониться?! Вы разве люди? Разве вы понимаете хорошие слова. Вы только тогда понимаете, ежели вас по шеям бьют и делают вам неприятности! Чтоб ходил завтра! [12, с. 355].

С одной стороны, Ржавецкий стремится нивелировать одну из главных особенностей польского языка – ударение на предпоследнем слоге, хотя систему русского языка он освоил не в совершенстве: есть нарушения в категории рода (*старый собака*), образовании глагольных форм (*чтоб ходил завтра*). Речь его эмоциональна, изобилует сенвективами. С другой стороны, автор дал ему польскую фамилию и в ходе воспроизведения данного монолога именует персонаж поляком.

Думается, в данном случае польские элементы используются как средство характеристики персонажа. Такие приказчики у того же А. П. Чехова встречаются среди русских, хотя есть основания рассматривать поляка как стереотип.

Англичане. Возможно, в силу удаленности и редких контактов в сознании автора англичане служат эталоном чего-то положительного. Так, в рассказе “Цветы запоздалые” главная героиня – *Княжна Маруся, девушка лет двадцати, хорошенькая, как героиня английского романа, с чудными кудрями льняного цвета, с большими умными глазами цвета южного неба* [12, с. 413].

Думается, нежная красота англичанок – этностереотип, поскольку Н. Гумилев писал: “Нежные задумчивые леди”.

О положительности англичанок в русском и, как предполагает автор, в немецком сознании свидетельствует пример из рассказа “Месть”: *Комик пошел в кассу. Там, за грязным липовым столом, сидел его друг и приятель, кассир Штамм, немец, выдававший себя за англичанина* [12, с. 485].

Подводя итоги, отметим следующее. В ранних рассказах А. П. Чехова среди превеликого множества самых разных персонажей представлены испанцы, немцы, французы, поляки, англичане. Довольно часто они оцениваются. В ходе своих исследований мы неоднократно доказывали, что оценка характеризует не столько оцениваемое, сколько оценивающего. Так формируются характеристики, т. е. формируется оценивающая функция характеристики образа. А. П. Чехов отдал дань этностереотипам. Помимо

характеризующей, они могут выполнять функцию типизации, репрезентации, символизации, оценки, создания комического эффекта, средства речевой характеристики.

В ходе нашего исследования выявилось, что этностереотип – это не слово и выражение, как отмечают некоторые исследователи, а образ, сформированный в языковом сознании народа (инвариант) и индивидуальном сознании его представителя (вариант). Данный факт объясняет некоторые неожиданные авторские характеристики (например, испанцы).

Литература:

1. *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект). Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 156–177.
2. *Арутюнова Н. Д.* Эстетический и антиэстетический аспекты комизма. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2007. С. 5–17.
3. *Ермилов В.* А. П. Чехов. Критико-библиографический очерк. А. П. Чехов. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. Рассказы 1880–1882. М. : Госиздат ХЛ, 1954. С. 5–66.
4. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 234 с.
5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М. : Изд. центр "Академия", 2001. 208 с.
6. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика. Мн : ТетраСистема, 2004. 256 с.
7. *Мечковская Н. Б.* Феномен "смешного" в речи, его языковые первоэлементы и внеязыковые механизмы. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2007. С.140–153.
8. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Пер. с англ. Сост., ред., вступ ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1988. С. 281–309.
9. *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток Лтд, 2004. 412 с.
10. *Паперный З. С.* Чехов. Краткая литературная энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. М. : Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. С. 483–495.
11. *Силантьева В. И.* Художественное мышление переходного времени (литература и живопись : А. П. Чехов, И. И. Левитан, В. А. Серов, К. А. Коровин). Одесса : Астропринт, 2000. 352 с.
12. *Чехов А. П.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. Рассказы 1880–1882. М. : Госиздат ХЛ, 1954. 512 с.

References:

1. *Apresyan Yu. D.* Konnotatsii kak chast pragmatiki slova (leksicograficheskiy aspect) [Connotations as part of word pragmatics (lexicographic aspect)]. Izbrannye trudy. T. 2 : Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M., 1995. S. 156–177.

2. *Arutyunova N. D.* Esteticheskiy i antiesteticheskiy aspect komizma [Aesthetic and anti-aesthetic aspects of the comic]. Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanismy komizma. Otv. red. N. D. Arutyunova. M. : Indrik, 2007. S. 5–17.
3. *Yermilov V.* A. P. Chekhov. Kritiko-bibliograficheskiy ocherk [A. P. Chekhov. Critical bibliographic sketch]. A. P. Chekhov. Sobranie sochineniy. V 12 t. T. 1. Rasskazy 1880–1882. M. : Gosizdat KHL, 1954. S. 5–66.
4. *Krasnykh V. V.* Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya [Ethnopsycholinguistics and linguocultuorology] : kurs lektsyy. M. : Gnosis, 2002. 234 s.
5. *Maslova V. A.* Lingvoculturologiya [Lingvokulturologiya]. M. : Izd. tsentr "Akademiya", 2001. 208 s.
6. *Maslova V. A.* Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. Mn. : TenrasSistema, 2004. 256 s.
7. *Mechkovskaya N. B.* Fenomen "smeshnogo" v rechi, yego yazukovye pervoelementy i vneyazykovye mechanizmy [The phenomenon of "funny" in speech, its linguistic primary elements and extra-linguistic mechanisms]. Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma Otv. red. N. D. Arutunova. M. : Indrik, 2007. S. 140–153.
8. *Minskiy M.* Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatelnogo [Wit and the logic of the cognitive unconscious]. Novoe v zarubeznoy lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty yazyka. Per. s angl. Sost. red., vstup. st. V. V. Petrova i V. I. Gerasimova. M. : Progress, 1988. S. 281–309.
9. *Otin E. S.* Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk : Yugo-Vostok Ltd, 2004. 412 s.
10. *Papernyy Z. S.* Chekhov [Chekhov]. Kratkaya literaturnaya entsyklopediya. Gl. red. A. A. Kurkov. M. : Sov. entsyklopediya, 1975. T. 8. S. 483–485.
11. *Silanteva V. I.* Khudozhestvennoe myshlenie perekhodnogo vremeni (literature i zhyvopis : A. P. Chekhov, I. I. Levitan, V. A. Serov, K. A. Korovin) [Artistic thinking of the transition period (literature and painting: A. P. Chekhov, I. I. Levitan, V. A. Serov, K. A. Korovin)]. Odessa, 2000. 352 s.
12. *Chekhov A. P.* Sobranie sochineniy [Collected Works]. V 12 t. T. 1. Rasskazy 1880–1882. M. : Gosizdat KHL, 1954. 512 s.

Іванова Л. П. Функції етнічних стереотипів у ранніх оповіданнях А. П. Чехова.

У статті здійснюється поліпарадигмальний підхід (з позицій лінгвокультурології, когнітивної лінгвістики, теорії коммунікації, літературознавства) до аналізу функцій етнічних стереотипів у ранній прозі А. П. Чехова. У розглянутих текстах автор писав про іспанців, французів, німців, поляків, англійців. Виявлено такі функції етнічних стереотипів: типізація, репрезентація, оцінка, створення комічного ефекту, мовна характеристика, символізація.

Ключові слова: *етнічний стереотип, етнічний маркер, функції етнічних стереотипів, А. П. Чехов, ранні оповідання.*

Ivanova L. P. The functions of ethnic stereotypes in the early stories of A. P. Chekhov.

The article implements a polyparadigmatic approach (from the standpoint of cultural linguistics, cognitive linguistics, literary criticism) to the analysis of the functions of ethnic stereotypes in the early prose of A. P. Chekhov. By interacting, these sciences and trends reinforce each other, creating a synergistic effect. By ethno-stereotype we mean not only a single word or word-reading (N. B. Mechkovskaya), but also an image in linguistic consciousness.

During the period of writing the analyzed stories, the author had not yet had time to visit different countries and form his own impression of foreign peoples, so he used ethnic stereotypes. Note, that they are observed only in the speech of the characters, characterizing their image and not reflecting the vision of the author. The texts reviewed include the Spaniards, French, Germans, Poles, and British. The following functions of ethnic stereotypes are revealed: typification, representation, creation of a comic effect, means of speech characteristics, appreciation, symbolization.

Keywords: *ethnic stereotype, ethnic marker, functions of ethnic stereotypes, A. P. Chekhov, early stories.*

Н. М. Кувшинова
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

ПОРІВНЯЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРИ СКЛАДНИХ РЕЧЕНЬ НІМЕЦЬКОЇ І УКРАЇНСЬКОЇ МОВ І ТРУДНОЩІ ЇХ ПЕРЕКЛАДУ

У статті розглядається загальна інформація про складні речення німецької мови, їх основні особливості, характерні рамкові конструкції з притаманним їм своєрідним порядком слів, функції сполучників і сполучних слів у підрядних реченнях. Речення у німецькій мові істотно відрізняються своєю будовою від речень в українській мові: в німецьких реченнях, як правило, завжди є підмет і присудок, а також існує певний порядок слів − членів цих речень. Проведене дослідження базується на фактичних даних, отриманих різними лінгвістами, і результатах власних спостережень автора.

Ключові слова: *складні речення, складносурядні і складнопідрядні речення, підмет і присудок, порядок слів.*

Серед проблем мовознавства сучасні науковці визначають мало дослідженою проблему вивчення складних речень. Причиною недосконалого дослідження даного питання, з одного боку, є складність цього граматичного явища, що включає в себе більше десяти типів підрядних речень, які активно вживаються в мовленні і викликають труднощі в процесі навчання. З іншого боку, важким завданням є створення ситуацій вживання цієї граматичної конструкції і формування навичок використання складносурядних і складнопідрядних речень у граматиці. За останній час ця проблема була розглянута рядом дослідників, зокрема в працях Н. В. Долгалової, О. А. Гуляєвої, Р. П. Боброової, А. І. Ревної та ін.

Мета статті – проаналізувати різні типи складних речень німецької і української мов у порівняльному аспекті, розглянути зв'язки сурядності і підрядності, а також синтаксичну залежність підрядного речення від головного.